
РУССКИЙ КОСМИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Старостин А. М.*

Автор репрезентирует философскую инноватику как сферу прикладной философии и философских разработок. С этих позиций рассматривается эволюция русского космизма. В этом идейном течении выделяются два основных этапа: классический и современный. Ставится задача анализа и обобщения результатов развития современного русского космизма.

Ключевые слова: космизм, русский космизм, философская инноватика, русская идея, космизация.

The author considers philosophical innovatics as a sphere of applied philosophy and philosophical research. The evolution of Russian cosmism is analyzed from this point. In this ideological trend two main stages are emphasized: classical and modern. The task of the analysis and summing up the results of the modern Russian cosmism development is set up.

Keywords: cosmism, Russian cosmism, philosophical innovatics, the Russian idea, cosmization.

В современной философской, научной, теологической литературе и публицистике достаточно велик и стабилен интерес к феномену русского космизма. Данное мировоззренческое течение считается одним из фундаментальных и вместе с тем оригинальных проявлений русской культуры XIX–XX вв. Действительно, в попытках выделить наиболее яркие и оригинальные проявления в развитии отечественной гуманитарной и философской мысли, предпринимаемые как российскими, так и зарубежными исследователями, чаще всего обращают внимание на известную триаду: цивилизационный подход (Н. Я. Данилевский), экзистенциальный взгляд на человека (Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский) и русский космизм (Н. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский).

Исследованию русского космизма посвящена большая по массиву публикаций литература¹. В ней даны различные определения и интерпретации русского космизма, выявляются разные его формы, изучается эволюция. Под космизмом понимается «психологический и мировоззренческий феномен, который находит проявления в различных сферах культуры – религии, философии, искусстве, литературе, обыденном сознании; глубинное переживание человека и космоса, в рационализированной форме выражаемое мировоззренческими идеями и философскими принципами, которые соответствуют различным этапам культурной истории человечества» [Космизм 2006: 449].

* Старостин Александр Михайлович – д. полит. н., к. филос. н., член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, заместитель директора Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: dorobr@skags.ru.

¹ Для примера укажем на следующие работы: [Русский... 1993; Философия... 1996; Космическая... 2001; Куракина 1993; Николаенко 2006].

Анализируя различные подходы к пониманию космизма, известный исследователь этого феномена В. В. Казютинский отмечает следующие наиболее характерные смысловые позиции: 1) специфическое «мировоззрение» или «мировосприятие», связанное с осознанием единства всего со всем; 2) распространение «космической точки зрения» на человечество, его прошлое и будущее, выступающее в одних случаях как мировоззренческое выражение идеи единства человека и космоса, в других – освоения космоса человеком; 3) мировоззренческая идея «активной эволюции» человека и мира, направляемой разумом; космическая экспансия человечества оказывается частью этой программы; 4) почти неуловимые смыслы внутреннего космоса человека (связанного, естественно, с космосом физическим); 5) «последнее слово философии техники» – считается, что космизм выступает оправданием самых антиэкологических и антигуманных черт современной цивилизации (такая точка зрения, выдвигаемая антикосмизмом, относится не к космизму как таковому, а лишь к его техницистским версиям). В некоторых из этих интерпретаций космизм оказывается синонимом не собственно космических, а земных ситуаций, лишь проецируемых на космос [Казютинский 2001: 403].

Одним словом, в изучении феномена русского космизма нет недостатка внимания со стороны философов, естествоиспытателей, теологов, публицистов. Однако следует учесть две характерные ситуации, которых менее всего касаются или даже осознанно обходят исследователи и популяризаторы русского космизма:

1) основные проявления русского космизма резко «обрываются» на фигурах К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского. Продолжения как бы не следует. Между тем, на наш взгляд, нужно говорить о современном русском космизме или «советском космизме», который дал огромный пласт философских, социально-политических, естественно-научных, художественных и публицистических публикаций, связанных с предвестием и началом космической эры – непосредственным проникновением в космическое пространство, его изучением и освоением. Данное течение отечественной естественно-научной и гуманитарной мысли продолжает оставаться и в наши дни одним из наиболее оригинальных проявлений в мировой культуре;

2) в анализе русского космизма прежде всего подчеркивают его уникальность в многообразии течений мировой философской, художественной, мировоззренческой мысли. Между тем русский космизм выступает как одно из наиболее ярких течений мирового космизма, явные истоки которого находятся в творчестве ряда античных мыслителей, ученых Нового времени и в обращении к этой тематике в новейших течениях зарубежной научной, художественной, философской, теологической мысли.

Думается, что в претензиях на полное освещение содержания и эволюции русского космизма нельзя избежать анализа данных важнейших ситуаций, которые позволяют полнее показать всю глубину, оригинальность и значимость (в том числе прогнозную, стратегическую) данного течения и умонастроения отечественной мысли².

² О том, что эта мысль подошла к подготовке (гуманитарной, философской, научно-технической) нового этапа развития космической деятельности, свидетельствует фундаментальное издание: [Космонавтика... 2010].

Интерпретируя статус и особенности русского космизма в системе философского, гуманитарного, естественно-научного, теологического знания, важным видим его современную репрезентацию. Не претендуя на окончательные и законченные трактовки, отметим, что удачной выглядит репрезентация русского космизма и в классической, и в современной версии в качестве области философской инноватики.

В этом плане мы хотели бы обратить внимание на философскую инноватику как сложное, многослойное взаимодействие философского и междисциплинарного научно-гуманитарного знания, которое проявляется при постановке, обсуждении, разработке ряда проблем.

Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философско-методологического и философско-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием. Такого рода рефлексия требует введения системного видения философской деятельности и ее связи с гуманитарно-научной деятельностью. Ключевым понятием в этой связке выступает категория философской инноватики.

Философская инноватика в своих массовых проявлениях генерируется в процессе развития и усложнения отношений философии с наукой и практикой. Это определенный и вполне конкретный этап развития философской деятельности, связанный с развитием ее инструментально-прикладного потенциала. В этом плане философия следует по пути развития любой отрасли рационального познания, где происходит дифференциация на фундаментальную и прикладную сферы. В развитии философии возможно выделить четыре основных ситуации:

1. Разработка новых философских систем.
2. Развитие уже существующих философских систем.
3. Формирование областей философской инноватики как сферы прикладных философских исследований и разработок.
4. Популяризация философских систем.

Первые две ситуации – развитие фундаментального философского уровня. Третья и четвертая позиции – область философской инноватики в широком смысле: решение нефилософских проблем с помощью философского инструментария. По преимуществу философская инноватика ориентирована на комплексные и междисциплинарные проблемы. С ее помощью осуществляется формирование эпистемологического контекста, который впоследствии остается «за скобками» междисциплинарного или дисциплинарного исследования.

Запрос на философскую инноватику в сфере гуманитарного знания, пожалуй, впервые обозначился в конце XIX – начале XX в., с одной стороны, в философии марксизма, создавшего на базе модернизированной гегелевской диалектики принципиально новые прикладные области социальной философии и философии политики, затем реализованные в инновационную концепцию научного коммунизма. Русские последователи марксизма (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин) довели данную многослойную схему деятельности до применения в неклассических условиях.

С другой стороны, в этот же период в рамках позитивизма сформировалась система философской инноватики, приложенной к области естественно-научного познания.

В современной философской деятельности инновационный компонент значительно усилился. Философы все более ориентированы не только на освоение, развитие классических и новых философских систем, парадигм, но и на решение задач, имеющих по отношению к ним прикладной характер.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что в сфере философской инноватики задействованы не только профессиональные философы.

Многие крупные ученые, конструкторы, художники, практики, сталкиваясь с трудными проблемами, обращаются к инструментарию восточной или западной философии, а то и изобретают «философский велосипед». Но руку философам в этих случаях редко протягивают. Дескать, «наука сама себе философия». Но это не так. Есть обширная пограничная область, и не научная, и не философская, и не религиозная, и не идеологическая, где востребован инструментарий философской рефлексии. Это «пограничье» сейчас стало очень обширным и плотным. Его и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнести к ней профессионально, а не по-дилетантски и не снобистски.

Иными словами, функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. А если продолжать двигаться по этим векторам далее, то мы выходим на уровень философской инноватики.

Однако здесь есть и множество векторов, которые идут не от философии к ее приложениям, а от запросов сложных проблем и задач науки, политики, религии, идеологии. И в этих направлениях, как правило, в случае междисциплинарной проблематики также формируется сфера философской инноватики.

Конституирование философской инноватики – это не дань моде. Востребованность философско-инновационной сферы связана со значительным ростом задач, требующим инструментария философской инноватики. Что обусловлено прежде всего потребностями быстро развивающегося информационного общества, где задачи роста различных отраслей духовного производства начинают превалировать над отраслями материального производства.

Возвращаясь к русскому космизму, нам видится вполне естественной его интерпретация в качестве одной из областей философской инноватики, возникшей в результате философской рефлексии (разной природы: и рациональной, и теологической, и натурфилософской) над междисциплинарной, многоплановой проблемой взаимосвязи человека и жизни вообще с Космосом. Конечно, не все течения космизма удастся интерпретировать в рамках концепции философской инноватики. Космизм, культивируемый на платформе мифологии, мистицизма, эзотерики и ряда других внерациональных проявлений, вряд ли можно трактовать с точки зрения философской инноватики. Разве что с помощью инструментария философской инноватики удастся перевести, интерпретировать результаты космо-мифологических и эзотерических поисков в рациональный план. Вместе с тем наиболее значимые и результативные течения космизма рациональной природы все же укладываются в парадигму философской инноватики.

В современных исследованиях русского космизма мы встречаемся с достаточно большим внутренне дифференцированным разнообразием трактовок этого феномена. Это и сужение космизма до образа космической философии, и расширение до уровня синонимизации терминов «космизм» и «русская культура» [Куракина 1993; Леднев 1994], и рассмотрение космизма как целостного культурного

образования, самостоятельного течения, и в качестве своеобразной формы неоязычества, выступившего против православия³.

Думается, что те или иные указываемые авторами мотивы присутствуют в феномене русского космизма. Однако он не сводится лишь к ряду этих мотивов и в то же время не выступает как единая монолитная доктрина. Его единство обусловлено обращенностью к проблеме «человек – космос» и попытками перевести ее из трансцендентной плоскости в плоскость научных, мировоззренческих, технических решений. Хотя формы и версии предлагаемых решений весьма различны.

В классическом русском космизме выделяют по крайней мере три течения: естественно-научное (Н. Г. Умов, Н. Г. Холодный, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский); религиозно-философское (Н.Ф. Федоров); поэтически-художественное (С. П. Дьячков, В. Ф. Одоевский, А. В. Сухово-Кобылин, Ф. Тютчев).

Русский космизм возникал как своеобразная антитеза классической физикалистской парадигме мышления, основанной на жестком разграничении человека и природы. В нем была предпринята попытка возродить онтологию целостного видения, органично соединяющего человека и космос. Эта проблематика обсуждалась как в сциентистском, так и в религиозном направлении космизма. В религиозном направлении наиболее значительной была концепция Н. Федорова. Как и другие космисты, он не был удовлетворен расколом мироздания на человека и природу как противостоящие друг другу части мироздания. Такое противопоставление, по его мнению, обрекало природу на бездумность и разрушительность, а людей – на подчинение существующему злу. Н. Федоров отстаивал идею единства человека и природы, связи «души» и космоса в терминах регуляции и воскрешения. Предложенный им проект воскрешения не сводился только к оживлению в узком, прямом смысле, а в более широком – метафорическом – смысле включал способность природы к самовосстановлению [Федоров 1982]. Федоровский проект воскрешения связан с идеей выхода человеческого разума в космос. Для него «земля не граница», а «человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты», которая является лишь исходным пунктом этой деятельности.

Но если религиозный космизм отличался скорее фантастически-умозрительным характером своих рассуждений, то в естественно-научном направлении при решении проблемы взаимосвязи человека и космоса особое внимание уделялось осмыслению научных достижений, подтверждающих эту взаимосвязь.

Н. Г. Холодный справедливо отмечал, что антропоцентризм в свое время сыграл позитивную роль в качестве мировоззрения, освободившего человека от страха перед силами природы ценой своего возвеличивания над ней. Однако постепенно наряду с антропоцентризмом стали возникать зачатки нового взгляда – антропокосмического. Антропокосмизм рассматривался Холодным как определенная линия развития человеческого интеллекта, воли, которые вели человека к достижению его целей. Существенным элементом в антропокосмизме была попытка пересмотреть вопрос о месте человека в природе и о взаимоотношении его с Космосом на основе естественно-научных знаний. Человек начинал рассматриваться как одна из органических частей мира, и утверждалось, что только на этом пути можно найти ключ к пониманию природы самого человека. Человек должен

³ Подробный обзор данных точек зрения представлен в работе: [Николаенко 2006: 4–12].

стремиться к единству с природой, которое обогащает и расширяет его внутреннюю жизнь [Федоров 1982: 178–197].

Подобные идеи развивал и Н. А. Умов, подчеркивая, что «человек может мыслить себя как часть, как одно из преходящих звеньев Вселенной». Он также полагал, что антропоцентрическое мирозерцание разрушается, освобождая место антропокосмизму [Умов 1916: 215].

Идея взаимосвязи человека и космоса с особой силой звучала в работах К. Э. Циолковского, который даже называет одну из них «Космическая философия». «Весь космос обуславливает нашу жизнь, – писал он, – все непрерывно и все едино» [Циолковский 1986: 302]. «Вселенная не имела бы смысла, если бы не была заполнена органическим, разумным, чувствующим миром» [Там же: 378].

Можно отметить определенное созвучие развиваемых Циолковским идей сформулированному впоследствии антропному принципу.

Циолковский не просто указывает на взаимосвязь человека и Космоса, но и подчеркивает зависимость человека от него. «...Трудно предположить, чтобы какая-нибудь его (космоса) часть не имела рано или поздно на нас влияние» [Там же: 302].

Эта идея – влияние как ближнего, так и дальнего космоса на жизнь человека – достаточно подробно анализировалась А. Л. Чижевским, который полагал, что «наше научное мировоззрение еще далеко от исторического представления о значении для органического царства космических излучений» [Чижевский 1976: 27]. Однако ряд достижений науки XX в., по мнению Чижевского, позволяет сделать вывод, что «в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого достигли в наши дни особой ясности и глубины... Строение Земли, ее физико-химия, биосфера являются проникновением строения и механики Вселенной» [Там же: 24].

Чижевский противопоставляет свою точку зрения существующему мнению, что «жизнь есть результат случайной игры только земных сил». Для него жизнь в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики космоса на инертный материал Земли. Человек «не только земное существо, – отмечал он, – но и космическое, связанное всей своей биологией, всеми молекулами, частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями» [Там же: 33, 331].

В сциентистской традиции русского космизма проблема единого мира и единого знания о мире нашла свою наиболее значительную разработку в концепции В. И. Вернадского. Как и другие космисты, Вернадский отмечал, что «антропоцентрическое представление не совпадает с тем реальным выявлением Космоса, который охватывается научной работой и научной мыслью исследователя Природы» [Вернадский 1978]. Он полагал, что «в науке нет до сих пор ясного сознания, что явления жизни и явления мертвой природы, взятые с геологической, то есть планетарной точки зрения, являются проявлением единого процесса» [Там же: 12].

Вернадский, как и другие космисты, противопоставляет традиционной позиции иную точку зрения. Он показывает, что в мировой эволюции жизнь выступает не случайным, а закономерным следствием, что характер космического развития жизненных процессов обусловлен всем космическим целым. При таком рассмотрении жизнь выступает уже как космическое явление.

В русском космизме достаточно отчетливо осознавались не только зависимость человека от космоса, но и (что особенно важно) обратное влияние человека на окружающий мир.

Соразмерность человека и остального мира послужила основой для развитой русскими космистами идеи о необходимости соизмерять человеческую деятельность с принципами целостности этого мира.

В русском космизме обосновывались принципы нового отношения человека к природе. Фактически он достаточно близко подошел к осознанию тех проблем, которые впоследствии получили название глобальных.

И все же космизм, несмотря на то, что содержал оригинальные идеи и обладал большой прогностической силой, не получил широкого распространения. Фактически он повторил судьбу многих философских концепций, продуктивные идеи которых значительно опережали свою эпоху.

Однако в современной ситуации, когда человечество оказалось перед лицом экологического кризиса, поиск «общего дела» как регуляции отношений человека и остального мира приобретает уже приоритетное значение.

Можно утверждать, что космизм как особое течение философской мысли оказывается созвучным современным исканиям новых жизненных смыслов и идеалов, гармонизации человека и природы.

Особо следует подчеркнуть совпадение главных принципов философии космизма и многих фундаментальных идей современной научной картины мира и ее мировоззренческих выводов. Космизм возвращает нас к целостному видению мира как единства человека и космоса.

Если философия русского космизма существовала, то существовали ли в других странах аналогичные философские течения? Или космизм составляет исключительную традицию русской культуры? Необходимо подчеркнуть, что философия космизма существовала и в других культурах, и еще предстоит осуществить сравнительно-исторический анализ различных вариантов космической философии. Каждому знакомому с историей науки в Германии хорошо известно имя А. Гумбольдта – автора пятитомного труда «Космос» (1845–1859), влияние которого на всю европейскую, в том числе и русскую, культуру еще предстоит изучить. Одно несомненно – А. Гумбольдт стоит у истоков немецкого варианта философии космизма. Французский вариант философии космизма представлен, конечно, концепцией «творческой эволюции» А. Бергсона, соединившего в себе традиции французского спиритуализма, неоламаркизма и психологизма. Американский вариант «космической философии» представлен не только в творчестве религиозного натуралиста Дж. Фиске (которому мы, скорее всего, и обязаны самим термином «философия космизма»), но и в концепции «эмерджентной эволюции» (Д. Льюис, С. Александер и др.), подчеркнувшей качественное своеобразие каждого нового уровня эволюции.

В связи со сказанным возникает вопрос о связи русского космизма с общим полем духовных исканий в России XIX–XX вв. И здесь прежде всего характерна связь русского космизма с русской идеей, поисками смысла бытия на общенациональном уровне.

Проблемная ситуация, приведшая к возникновению русской идеи, связана с тем, что Россия нуждалась в модернизации. Для русских мыслителей (философов, писателей, художников, ученых), живших в предмодернизационную эпоху,

характерны активные поиски общенациональных смысложизненных ориентаций, генерирование новых мировоззренческих идей. Русская идея – это разработка одного из вариантов национального самосознания, ответ на потребность иметь оригинальную философию истории. Ее особенностями являются: глобально-эволюционный подход; идея межкультурной, межнациональной, нравственной соборности; антропокосмизм, поиск путей преодоления телесной, пространственной и временной ограниченности; поиски «царства божьего», преодоление духовной ограниченности и замкнутости.

В этом отношении русский космизм выступает как логическое продолжение русской идеи. Во всяком случае, космизм Запада носит скорее чисто природный, объективированный, а не антропокосмический – как в России – характер.

Русский космизм продолжает русскую идею, онтологизируя те историософские, нравственные социально-экологические интуиции всемирно-исторической миссии России, которыми увлечены определенные круги либеральной интеллигенции. Космизм – это вселенское обоснование русской идеи, ее вселенский урвень.

И этногенетические, и социальные, и духовные посылы русской идеи и русского космизма носят настолько универсальный характер, что воспроизводятся в разных, порой совершенно независимых группах интеллигенции в философской, религиозной, художественной, научной, мистической формах.

Поэтому ответ на вопрос: «Живы ли русская идея и русский космизм в наше время?» – положителен. Конечно, они развиваются в естественных формах и фазах. Россия сейчас находится в преддверии новой модернизации, она вновь на перепутье.

Современные формы русского космизма формировались в связи с началом космической эры и возникшей необходимостью как осмысления принципиально нового вида человеческого опыта, так и прогнозирования и подготовки к новым шагам в данной области. В связи с формированием указанной проблематики в 60–80-е гг. XX в. сложилось несколько ведущих исследовательских центров, координирующих разработки в области мировоззренческой и гуманитарно-космической проблематики. Ими стали отдел философских проблем естествознания Института философии АН СССР и Институт истории естествознания и техники АН СССР. Основным форумом для обсуждения научно-технических, философских, социально-политических и правовых проблем освоения космоса стали многочисленные научные секции Чтений памяти К. Э. Циолковского, ежегодно проводимые в г. Калуге на базе музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского. В 2005–2010 гг. прошли уже 40–45-е Чтения [Научное... 2005].

За четыре с лишним десятилетия современности отечественный космизм прошел несколько этапов в своем развитии. На первом этапе, в начале 60-х гг. XX в., были сделаны первые достаточно общие публикации прежде всего философского и мировоззренческого характера. По праву приоритет здесь принадлежит Е. Т. Фаддееву, А. Д. Урсулу, Н. А. Варварову, И. М. Забелину, В. П. Бранскому и др. [Варваров, Фаддеев 1961; Забелин 1963]. Введен термин «космизация».

Параллельно интенсифицируется разработка космической проблематики в художественной форме в советской научно-фантастической литературе и публицистике, в кино и на телевидении. Признанными корифеями здесь по сей день остаются А. и Б. Стругацкие и И. А. Ефремов. После некоторого спада интереса

к их произведениям, вышедшим в 50–70-е гг. XX в., наметилась новая волна повышенного внимания к их творчеству в начале XXI в. В исторической и философской науке этого времени началась интенсивная разработка классического наследия известных русских космистов, прежде всего К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского.

Широкое воздействие первых шагов космической практики на духовное развитие общества позволило сформулировать и обосновать тезис о космизации общественного сознания [Урсул 2006; Старостин 1991]. В качестве концептуального ядра этого феномена можно рассматривать интенсивное развитие философско-мировоззренческих исследований, которое и обозначило контуры современного отечественного космизма.

В середине 80-х гг. XX в., подводя рубежные итоги, Институт философии АН СССР подготовил и опубликовал пятитомное издание «Истории философии в СССР». Одна из глав этого издания специально была посвящена философско-мировоззренческому осмыслению космической практики [История... 1985: 782–797]. В частности, здесь отмечалось: «К предмету философских проблем освоения космоса были отнесены наиболее общие закономерности и тенденции взаимодействия общества и космоса, исследование общих характеристик отношений типа “человек – Вселенная”, “общество – космос”, “человечество – космические цивилизации”... Систематическая разработка философских и социологических проблем космонавтики развернулась в начале 60-х гг., после первых <...> полетов людей в космос. В настоящее время в Советском Союзе над этой проблемой работает большой коллектив ученых, опубликовано в общей сложности более 300 работ... Расширение общих масштабов космической деятельности еще больше привлекло внимание философов и социологов (В. Е. Давидович, Б. М. Кедров, В. В. Рубцов, А. М. Старостин, Ю. Н. Стемпурский, А. И. Тукмачева, П. Ф. Тукмачев, Е. Т. Фаддеев, Ю. А. Школенко, К. Х. Хайруллин и др.), ученых и специалистов в области ракетно-космической техники, космических исследований, космической биологии и медицины, астрономии, астрофизики (О. М. Белоцерковский, О. Т. Газенко, В. П. Глушко, Н. С. Кардашев, К. Я. Кондратьев, Б. Н. Петров, Р. З. Сагдеев, Б. В. Раушенбах, И. С. Шкловский и др.), летчиков-космонавтов СССР (Г. Т. Береговой, А. А. Леонов, В. И. Севастьянов, К. П. Феоктистов и др.) к общетеоретическим проблемам космонавтики» [Там же: 784–785].

Огромный пласт работ, опубликованных в 60–80-е гг. XX в., затрагивал как общемировоззренческие и онтологические проблемы взаимодействия человека и его духа с космосом [Ильенков 1988; Казначеев, Спириин 1991], как бы продолжающие мировоззренческие изыскания К. Э. Циолковского, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, так и содержащие достаточно конкретную проблематику, обобщающие реальную практику космической деятельности⁴ и вместе с тем ставящие и обсуждающие проблемные ситуации, которые могут реально возникнуть в процессе целенаправленного исследования и освоения ближнего и дальнего космоса. К числу таких проблем следует отнести не только анализ перспективных направлений освоения и обживания космоса, возможных позитивных и нега-

⁴ См. работы А. Д. Урсула, А. М. Старостина, П. Ф. Тукмачева, М. П. Фомичева, Г. М. Хозина, Ю. В. Школенко.

тивных воздействий на экологию Земли и человека, но и вопросы поиска разумной жизни во Вселенной и установления контактов с внеземными цивилизациями (программы СЕТИ и SETI) [Проблема... 1975; Шкловский 1973; Кардашев 1969].

Следует отметить, что в значительной мере данная проблематика была идеологически нагружена, достаточно объемно включена в идеологические акции холодной войны. основополагающим пропагандистским тезисом здесь выступал: «Социализм – стартовая площадка советских космических кораблей». К концу 1980-х гг. многоаспектная и масштабная космическая деятельность, осуществляемая в СССР, стала претерпевать серьезные сокращения. В массовой печати появились нападки на советский ракетно-космический комплекс, который «оттягивает огромные средства от удовлетворения нужд советского народа». В последующие 90-е гг. после разрушения СССР космическая деятельность многократно сократилась. Оценочно к середине 1990-х гг. финансирование космической деятельности сократилось более чем в 20 раз (оно и сейчас более чем в 10 раз уступает уровню финансирования советских космических программ в середине 80-х гг.). На практике как бы демонстративно стали убирать все напоминающее, что «социализм – стартовая площадка освоения космоса», поскольку и в самом деле организационно-управленческая и материально-техническая эффективность обеспечения большими космическими проектами в СССР в 3–4 раза превосходила американскую за счет прежде всего более высокого уровня централизации, сокращения конкурентных и транзакционных издержек в процессе государственного управления большими проектами.

Существенно сократились и объемы гуманитарных исследований и публикаций по данной тематике, наметились новые направления, связанные прежде всего с освоением внерациональных способов отражения космоса и космической деятельности.

Следует подчеркнуть, что это еще в большей мере коснулось массовых представлений, которые ныне формируются по преимуществу на внерациональной и иррационально-мистической основе.

Тем не менее в середине 90-х гг. XX в. – начале XXI в. в отечественной исторической, мемуарной, философско-мировоззренческой литературе был введен в оборот значительный пласт знаний, расширяющих как представления о классике русского космизма, так и разрабатывающие и популяризирующие внерациональные формы духовного освоения космоса. В основном это связано с преодолением прежних цензурных и идеологических препон. Например, наследие такого оригинального отечественного, но малоизвестного направления, как биокосмизм, не разрабатывалось, поскольку в 1920–1930-е гг. основные его представители были репрессированы. Недостаточно освоено было наследие таких мыслителей, как Н. Федоров, П. Флоренский, А. Чижевский. Да и большинство философских и гуманитарных работ К. Э. Циолковского увидело свет только в этот период.

Тем не менее в начале XXI в. проблематика отечественного космизма в его современных формах продолжает развиваться. В последние годы появились значительные обобщающие работы, в которых подытоживаются и обобщаются результаты исследований, проведенных в 70–90-е гг. На рубеже XX и XXI вв. защищены ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются различные ас-

пекты космической деятельности [Сафронов 1994; Мапельман 1999; Казютинский 1999]⁵.

Таким образом, современный отечественный космизм продолжает развиваться. Он во все большей мере испытывает потребность в саморефлексии, осмыслении и обобщении того круга идей, которые выдвигались и обсуждались на протяжении более 50 последних лет. Это примерно та же ситуация, в которой оказались отечественные ученые и философы в 60–70-е гг. XX в. по отношению к классическому этапу русского космизма. Думается, что данные задачи будут решаться в ближайшие годы.

Литература

- Астрономия и современная картина мира / под ред. В. В. Казютинского. М., 1996.
- Варваров Н. А., Фаддеев Е. Т. Философские проблемы астронавтики // Вопросы философии. 1961. № 8.
- Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978.
- Гиндилис Л. М. SETI: поиск внеземного разума. М., 2004.
- Забелин И. М. Физическая география и наука будущего. М., 1963.
- Ильенков Э. В. Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8, 9.
- История философии в СССР: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1985.
- Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.
- Казютинский В. В. Традиции и революция в современной астрономии. М., 1999.
- Казютинский В. В. Космическая философия К. Э. Циолковского в контексте русского космизма // Космическая философия К. Э. Циолковского. М., 2001. С. 403.
- Кардашев Н. С. Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций // Внеземные цивилизации / под ред. С. А. Каплана. М., 1969.
- Космизм // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.
- Космическая философия К. Э. Циолковского. М., 2001.
- Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года / под ред. Б. Е. Чертока. М., 2010.
- Космос в фокусе политики, экономики, культуры / под ред. Л. В. Голованова, И. А. Маринина. М., 2002.
- Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.
- Леднев В. П. История русского космизма. Екатеринбург, 1994.
- Лесков Л. В. Космическое будущее человечества. М., 1996.
- Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003.
- Мапельман В. М. Идея космической перспективы человечества в русской философской культуре: социально-философский анализ. М., 1999.

⁵ Вышли обобщающие монографические работы или разделы: [Стратегия... 1997; Астрономия... 1996; Лесков 1996; 2003; Русская... 2000; Космос... 2002; Гиндилис 2004; Урсул 2006; Старостин 2007].

Научное творчество К. Э. Циолковского и современное развитие его идей: Материалы XL Чтений памяти К. Э. Циолковского. Калуга, 2005.

Николаенко Н. М. Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006. С. 4–12.

Проблема СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями) / под ред. С. А. Каплан. М., 1975.

Русская идея, славянский космизм и станция «Мир» / сост. Е. С. Троицкий. М., 2000.

Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М., 1993.

Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект. СПб., 1994.

Старостин А. М. Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991.

Старостин А. М. Космические исследования и научное познание // Концепции современного естествознания. М.; Ростов н/Д., 2007.

Стратегия выживания: космизм и экология. М., 1997.

Умов Н. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1916.

Урсул А. Д. Космонавтика, космизация, освоение Вселенной // История и философия науки: уч. пособ. / под ред. А. Д. Урсула. М. : Изд-во РАГС, 2006.

Федоров Н. Ф. Соч. М., 1982.

Философия русского космизма / под ред. А. П. Огурцова. М., 1996.

Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. Тула, 1986.

Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.

Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. 3-е изд. М., 1973.